

УДК 81'1
Гукина Л. В.

ЯВЛЕНИЕ СХЕМАТИЗАЦИИ В ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОСТРАНСТВА

Аннотация

В статье на материале художественных текстов изучается языковая реализация схематизации в описании фрагментов реальной действительности и наполняющих ее статичных природных объектов с использованием единиц открытого и закрытого класса (глаголов и предлогов с пространственной семантикой). Система семантической схематизации образов с элементами идеализации сравнивается с процессом отбора и абстракции. Показано, что комплекс единиц закрытого класса выполняет функцию концептуального каркаса. Представлены примеры наложения в языке готовых концептуальных рамок и актуализации схем при комбинаторном наборе семантических компонентов в значениях языковых единиц. Отмечено, что в языке существует проблема потери точности в описании пространства в связи с отсутствием готовых межсхемных форм для промежуточных конфигураций. Предложена сравнительная визуализация языковых схем и фрагментов реальной действительности. Языковой материал получен методом сплошной выборки из английских и русских художественных текстов, использованы приемы компонентного, контекстуального и

сопоставительного анализа. Новизна работы состоит в практическом исследовании теоретических аспектов семантики языка в репрезентации пространственных отношений на материале английских и русских художественных текстов. Результаты исследования могут быть использованы преподавателями вузов и в проектной работе студентов, изучающих русский и английский языки как иностранные. Автором делается вывод, что в языке художественных текстов в локальных ситуациях реализуется наложение готовых концептуальных рамок и актуализируются схемы с элементами идеализации в условиях комбинаторного набора семантических компонентов и признаков в значениях языковых единиц.

Ключевые слова: языковая репрезентация пространства, семантическая схематизация, идеализация, схема, локальная ситуация, единицы открытого класса, единицы закрытого класса, семантический компонент, английский язык, русский язык.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники финансирования: Данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Гукина Л. В. Явление схематизации в языковой репрезентации пространства // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 3. № 3. С. 72–79.

Статья поступила в редакцию 14.09.2022 г.

PHILOLOGY, LINGUISTICS

Gukina L. V.

THE PHENOMENON OF SCHEMATIZATION IN THE LANGUAGE REPRESENTATION OF SPACE

Abstract

The article studies the implementation of the schematization in the description of fragments of reality and the static natural objects that fill it in the language of fiction, using units of an open and closed class (verbs and prepositions with spatial semantics). The system of semantic schematization of images with elements of idealization is compared with the process of selection and abstraction. It is shown that a complex of closed class units performs the function of a conceptual framework. Examples of the imposition of ready-made conceptual fra-

meworks in the language and the actualization of schemes in the conditions of a combinatorial set of semantic components in the meanings of language units are presented. It is noted that in the language there is a problem of loss of accuracy in the description of space due to the lack of ready-made intercircuit forms for intermediate configurations. A comparative visualization of language schemes and fragments of reality is proposed. The linguistic material was obtained by the method of a continuous sample of examples from fiction in English and Russian, the methods of component, contextual and compara-

For citation: Gukina L. V. The phenomenon of schematization in the language representation of space // Humanities and social sciences bulletin. 2022. Vol. 3. No. 3. P. 72–79.

tive analysis were used. The novelty of the work lies in an attempt to provide practical implementation for the theoretical section of the semantics of space and spatial relations. The research material can be used by teachers of English and Russian languages of universities and in the project work of students studying Russian and English as foreign languages. The author concludes that in the language of fiction in local situations, the imposition of ready-made conceptual frameworks is realized, and schemes with elements of idealization are updated under

Введение

Явление схематизации в языке рассматривается в рамках изучения семантики локальных ситуаций с участием единиц открытого и закрытого класса (значимых и незначимых частей речи), описывающих фрагменты реальной действительности. Отечественными и зарубежными экспертами обсуждаются средства и схемы, к которым прибегает язык при передаче пространственных отношений [8, с. 59; 17, с. 225; 15, с. 283; 12, с. 57]. Так, американский лингвист Л. Талми исследует систему семантической схематизации образов с элементами идеализации, сравнивая её с процессом отбора и абстракции. Л. Талми предлагает концепцию «референтной сцены», открытой и подвижной для создания вариативных образов и смыслов, которые говорящий создает многократно с разных ракурсов и перспектив геометризованного пространства, реализуя принципы схематизации и идеализации [17, 225–228]. Другой американский лингвист Ч. Филлмор считает, что система языка предлагает пользователю готовые схемы для восприятия мира и находящихся в нем вещей, а комплекс единиц закрытого класса выполняет функцию концептуального каркаса. Он подвергает сомнению схематизацию, которую Л. Талми описывает как процесс отбора или абстракции. Ч. Филлмор предпочитает рассматривать схематизацию в терминах наложения концептуальной рамки на отдельный фрагмент действительности [10, с. 315]. Выясняется, однако, что на уровне языка говорящий испытывает ограничения в средствах выбора схемы или наложения концептуальной рамки, которая бы адекватно передавала пространственные формы, что указывает на проблему потери точности в описании пространства в языке в связи с отсутствием готовых межсхемных форм. Компенсация таких потерь в языке проявляется либо в сверхдетализации (большему фрагментированию пространственной сцены и наполняющих ее объектов), либо в сверхобобщенности. Остается открытым для исследования вопрос, считать ли отсутствие межсхемных форм недостатком языка, и может ли общий объем относительно специфичных морфемных ссылок в языке обеспечивать достаточно распределенное и плотное маркирование семантического «N» – размерного пространства и компенсировать потерю через индивидуальные и общую семантические сферы.

Цель исследования – на материале художественных текстов изучить реализацию в языке схематизации в описа-

the conditions of a combinatorial set of semantic components and features in the meanings of language units.

Keywords: linguistic representation of space, semantic schematization, idealization, scheme, local situation, open class units, closed class units, semantic component, English, Russian.

Conflict of interest

None declared.

Source of financing

There was no funding for this project.

нии фрагментов реальной действительности и наполняющих ее статичных природных объектов с использованием языковых единиц открытого и закрытого класса (глаголов и предлогов с пространственной семантикой). Для достижения цели при исследовании семантики предложных и глагольных единиц использован метод сплошной выборки примеров из художественных текстов на английском и русском языках и приемы компонентного, контекстуального и сопоставительного анализа. При сравнительной визуализации языковых образов, реализуемых схем и фрагментов реальной действительности использованы фотографии, полученные из открытых ресурсов Интернета.

Результаты и их обсуждение

Геометрия реального пространства выражается в языке с помощью предлогов, которые дают более детализованную и специфическую информацию о пространственных отношениях объектов, чем просто близость частных пространств этих объектов [1, с. 215–310; 13, с. 341–378]. Элементам закрытого класса (closed-classelements) приписывается роль концептуального каркаса. Так, Л. Талми и В. Клейн считают, что формы закрытого класса могут играть фундаментальную роль, выступая в качестве организующей структуры для последующего концептуального материала (включающего материал, выраженный элементами открытого класса) как рамка, посредством которой придается форма этому материалу [17, с. 255; 15, с. 283]. По мнению Л. Талми, выбор единиц закрытого класса и организация понятий могут быть взаимосвязаны со структурой мысли и концепцией в целом. Для семантики пространства данное замечание является существенным. При этом особую роль в лингвистических описаниях пространства играет схематизация (schematization) – процесс, который включает систематический отбор определенных аспектов референтной сцены (reference scene) для передачи целого, при этом не принимая во внимание остальные аспекты этой сцены. При описании средств пространственного дейксиса используются термины «spatial scene» и «reference scene («пространственная сцена» и «референтная сцена»)). Эти термины выражают идею, что пользователь может повторно (или многократно) и с разных перспектив обращаться к любому референту в рамках референтной сцены [2, с. 88–93; 3, с. 58–65]. В свя-

зи с этим предполагается высокая вариативность схематизации пространственной сцены и ее отдельных фрагментов. Так, Л. Талми описывает типы схематизации, при которых сцена получает свое первичное деление на подчасти, и те, которые придают этим частям структурную сочетаемость. Схематизация включает такие свойства, как идеализация, абстракция, топологический вид гибкости (сочетаемость), которые допускают в языке альтернативные схематизации одной и той же сцены. Л. Талми также обращает внимание на когнитивные процессы, сопровождающие схематизацию при коммуникации, принимая во внимание как процесс выбора говорящим варианта схематизации и степень специфичности, которую он хочет придать сцене, так и процесс структурирования образа у слушателя, поскольку он зависит от этого выбора. Под схемами Л. Талми подразумевает особые схематические абстракции, которые передаются индивидуальными пространственными выражениями, например, английскими предлогами [17, с. 258]. Согласно Л. Талми, свойства схем можно исследовать на трех уровнях. Первый уровень представлен элементарными компонентами построения схем, такими как точки, ограниченные и неограниченные линии, ограниченные и неограниченные плоскости. Все эти элементы управляются свойствами, относящимися к их комбинации, координации, взаимоисключения и так далее. Второй уровень изучает свойства, относящиеся к функционированию индивидуальных схем (локальная ситуация). Третий уровень включает отношения индивидуальных схем друг с другом внутри большей системы пользования схемой (контекст). Термин «идеализация» (idealization) обозначает процесс применения абстрактной схемы, при котором пространственная реальность или сущность концептуально идеализируется в терминах применяемой к ней схемы [17, с. 253]. Идеализация включает процесс, при котором известные объекты со всеми своими объемными и физическими качествами дифференциально сокращаются, чтобы соответствовать таким схемам. Процессы лингвистической идеализации имеют место на уровне единиц открытого и закрытого класса. Например, существитель-

ные «река/ river», «дорога/ road» идеализируются до линии в ситуациях, когда наблюдатель находится на высокой точке в пространстве и дистанцирован от воспринимаемого объекта. Если наблюдатель становится пользователем дороги или реки, то объект идеализируется до поверхности, ограниченной с двух краев (берега, обочины). В ситуации с рекой возможен и третий тип идеализации, когда наблюдатель находится в толще воды, и на первый план выступает СРЕДА, объем (с экспликацией глубины). При этом за рамками лингвистической идеализации остаются остальные характеристики реального объекта. В рисунке 1. представлены примеры фрагментов реального мира, которые подвергаются языковой идеализации – ЛИНИЯ реки (by / along – слева); СРЕДА (объем) (in / through – справа).

Отметим возможности современной техники визуализировать одновременно несколько параметров природного объекта: объем водной среды, наличие верхней и нижней плоскости водного объекта (поверхность реки, дно) с фиксацией одного из краев объекта (берег), который в языке идеализировался бы как линия, а в данном случае получает нулевую реализацию. Понятно, что такая многомерная картина реального природного объекта требует в языке подбора необходимых и достаточных инструментов – схем с участием единиц открытого и закрытого класса. Предлоги влияют на схематизацию пространственного объекта. Сравним: «He swam *along* the river/ He swam *across* the river – Он плыл *по* реке/ Он плыл *через* реку», где обнаруживается, что схема «across» требует идеализации физического объекта в зависимости от ориентации движения относительно его границ. В первой схеме актуализируется длина, а во второй – ширина природного объекта, причем сохраняется базовая схема идеализации реки как линии, ленты, полосы. Выясняется, что степень, до которой пространственные схемы языка абстрагируются от физических характеристик, более велика, чем предполагается. Схема обращается не только к «геометризованным» очертаниям внутри физического объекта, не только идеализирует физические объемные формы до точек, линий, плоскостей (оставляя вне

Рисунок 1. Картина реального мира: река – линия, река – среда.

Рисунок 2. Картина реального мира: извилистый путь + среда.

внимания другие части этого же объекта), но также абстрагируются от такой специфичности, как форма (кривизна), и, следовательно, величины этих точек, линий и плоскостей, углов или расстояний между ними, как они соотносятся внутри схемы. Допускаются широкие уровни идеализации формы объекта. Рассмотрим следующий пример схематизации: «He swam across the river/ He swam across the pond – Он плыл через реку/ Он плыл через озеро». Как в первом, так и во втором случае имплицитно выражены два предела природных объектов (берега), при этом идет абстрагирование от их формы (ЛИНИЯ, ОВАЛ). Также обе схемы абстрагируются от степени кривизны краев объектов. Свобода формы применяется и к пути референтного объекта, который может принимать любой контур. Например, «I arced/ zigzagged through the woods – Я петлял по лесу». Глагольные единицы в данных локальных ситуациях содержат общий компонент «кривизна» и семантический признак «многократность поворотов». В данной схеме через глаголы актуализуются признаки извилистости пути, а через предлоги – СРЕДА [4, с. 31]. В рисунке 2 дана картина реального мира, реализованная в языке средствами схематизации.

В английском языке схема актуализирует также компонент «плотность СРЕДЫ», на что работает предлог «through». Примером такой среды могут быть объекты ре-

ального мира, которые не только значительно выше роста человека, но и равные или немного ниже его роста, как показано в рисунке 3.

Здесь в языке реализуются следующие схемы: «The road curved through the wheat field». – Дорога извивалась по полю ржи. «I zigzagged through the wheat field». – Я пробирался через пшеничное поле [4, с. 34].

Опираясь на теоретическое понятие «референтной сцены», дающее возможность пользователю с разных ракурсов и многократно обращаться к фрагменту пространства с заполняющим его объектами, выделяя одни и абстрагируя от других, рассмотрим варианты схематизации, в которых участвуют английские и русские предлоги с семантикой пространства и глаголы с общим значением высшего ранга «расположение в пространстве» (о статичных объектах), например, пути от начальной точки горной цепи до её конечной точки. Вариативность восприятия статичного природного объекта говорящим, в основе которого лежит позиция наблюдателя и направление его взгляда, влияет на выбор языковых средств, что демонстрируют схемы в рисунке 4. Если горы воспринимать в терминах их возвышения над поверхностью земли (то есть акцентировать восходящую вертикаль), то востребован предлог «over», который кодирует схему (а). Если воспринимать горы как плотный фраг-

Рисунок 3. Картина реального мира: путь + плотность среды.

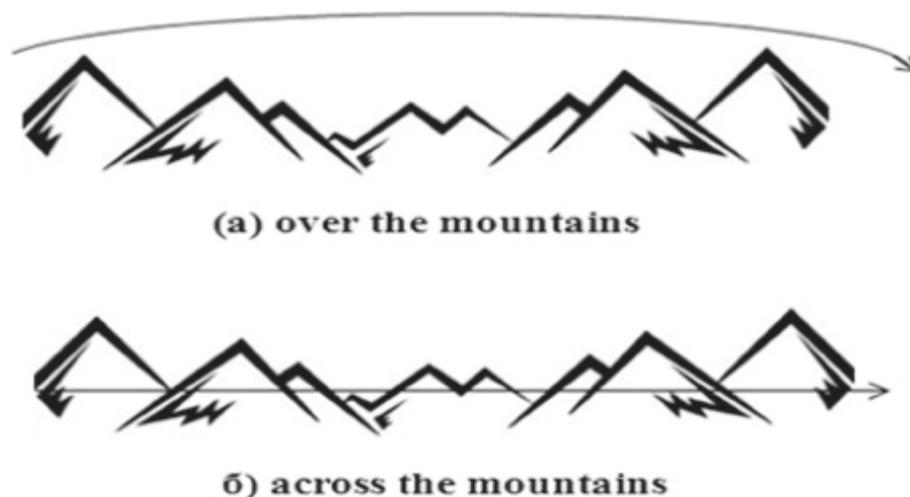

Рисунок 4. Варианты схематизации: вертикаль (over), плотность (across).

мент пространства, по которому проходит путь, то уместен предлог «across», как в схеме (б).

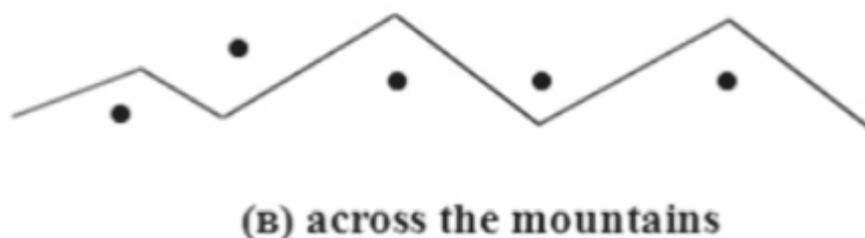
Ситуация в схеме (а) адекватна и эксплицитно выражает движение объекта над объектом. Во второй схеме отмечается значительная степень лингвистической абстракции от реальных деталей, присутствующих в данной ситуации (путь, плотность СРЕДЫ). Цепочка идеализации может быть продолжена переносом акцента на *путь*, по которому можно пройти «*across the mountains*». Такой путь в реальном мире отличается кривизной, а языковая схема идеализируется от этого свойства. Обращаясь к стилистике наблюдаемого пространства (позиция наблюдателя и направление его взгляда) и логике идеализации, по всем семантическим признакам актуален и вариант схемы (в), где кривая линия – путь, а точки – вершины гор, что демонстрирует рисунок 5.

Предположения о некоторой семантической неадекватности схемы (б) в части высокой степени лингвистической абстракции подтверждаются при изучении употребления глаголов со значением «пролегая на местности, иметь много поворотов» в локальных ситуациях в художественных текстах. Приведем пример, который совпадает со схемой (в), однако здесь процесс схематизации идет при помощи предлога «through», который адекватен и для схемы (б). Кроме того, предлог «through» маркирует СРЕДУ, в которой пролегает статичный объект, с характеристикой её плотности: «The road lies *through* rocks and woods, and is so

twisting that headlights shine full on rocks or tree trunks or over little cliffs...» [11, с. 135]. – *Дорога идет через скалы и леса и так извилиста, что фары светят то прямо на скалы, то на стволы деревьев, то поверх небольших утесов.* В данной локальной ситуации схема, предложенная предлогом «through», компенсируется лексемой другой части речи с аналогичной семантикой «*twisting*». Сложением смыслов обеих единиц имплицитно выражается ситуация, по своему семантическому содержанию равная схеме (в). Рисунок 6 дает возможность визуально сравнить, как представленная схема в языке соотносится с фрагментами реальной действительности.

Сложнее строится пространственный образ, когда инвариант лингвистической идеализации занимает периферийную позицию и остается за рамками лингвистической схемы. В предлагаемой ниже схеме (а) можно проследить, как, не реализуясь вербально, понятие кривизны пути компенсируется только знанием о мире: «The trail led up the hill/down the hill» – *Тропа вела в гору/ под гору* [4, с. 34]. Схема идеализации направлена здесь на выражение ориентированности расположения объекта по наклонной поверхности вверх/ вниз и движения по ней наблюдателя к верхнему/ нижнему пределу статичного объекта, как пользователя (максимальное количество сем = «вертикаль» + «плоскость»). За рамками схемы идеализации остаётся рисунок пути в гору, он может быть вариативным. В представ-

Рисунок 5. Варианты схематизации: кривая линия – путь, точки – вершины.

(в) across the mountains

Рисунок 6. Картина реального мира: извилистый путь + плотность среды.

ленных в рисунке 7 схемах проводится параллель со схемами глагольной репрезентации кривизны статичного объекта, пролегающего на местности.

Схемы (б) и (в) демонстрируют, что путь (*up/ down the hill*) состоит из суммы разных по характеру отрезков или векторов и представлен в виде следующих семантических компонентов: «вертикаль» + «горизонталь» + «кривизна», которые в схеме (а) не реализуются. Компонент «кривизна» входит в значения ряда глагольных лексем в английском и русском языках (*curve, loop, wind, meander* – виться, извиваться, петлять и других), но и в них проявляются признаки идеализации. В частности, не реализуется *степень* кривизны. Схема (в) вынесена отдельно от схемы (б) в связи с её детерминированной специфичностью (наложением готовой концептуальной рамки). Семный состав значения глагола «spiral» получает расширение семантическим признаком «вверх», который формирует схему «восходящая вертикаль», тем самым ограничивая рамки идеализации. Этот семантический признак влияет и на лексическую сочетаемость глагола «spiral» с существительными, обозначающими статичные объекты. При применении семантических характеристик значения лексемы к объектам природного комплекса, которые идеализируются до ЛИНИИ (*river, road* – река, дорога) и являются самыми частотными объектами в описании криволинейного пролегания объекта на местно-

сти, происходит некий «сбой», если при глаголе «spiral» в роли субъекта стоит существительное «river/ река». Данная ситуация представляется концептуально невозможной, на смысловом уровне формируется запрет на такую лексическую сочетаемость. Единственным субъектом при глаголе «spiral» остается существительное с общим значением «путь» (*road, path, trail* – дорога, дорожка, тропа, тропинка). Также в роли субъектов могут выступать существительные, обозначающие путь, созданный руками человека и статично располагающийся в рамках природного объекта (*stairway, steps* – лестница, ступени): «Away in the distance a figure could be seen brushing vigorously the steps which spiraled up the side of the mount, on top of which perched a small garden house» [14, с. 170]. – Вдалеке можно было видеть фигуру человека, энергично чистящего ступени, которые спиралью поднимались в гору, на вершине которой расположился маленький домик. В русском языке аналогичная глагольная форма отсутствует. Однако такие существительные, как «спираль, круг, вираж, серпантин», в сочетании с глаголами движения вариативно передают локальные ситуации, равнозначные по семантике ситуациям с английским глаголом «spiral»: «За воротами был туннель, кругами поднимающийся вверх внутри скалы» [9, с. 212]. «Двигались по каменистым тропам, которые поднимали экспедицию виражом за виражом к первому высокогорному перевалу» [9, с. 176].

Рисунок 7. Варианты схематизации: вертикаль + горизонталь + кривизна.

Рисунок 8. Картина реального мира: извилистый путь + вертикаль.

«С площадки просматривалась и прилепившаяся к скале узкая тропинка (двум лошадям не разойтись) *серпантинном* полого *поднимающаяся* к перевалу» [9, с. 222]. Обратим внимание, что в обеих локальных ситуациях реализуется схема аналогичная ситуациям с английским глаголом «spiral» (максимальное количество сем = «вертикаль» + «горизонталь» + «кривизна» + «регулярная повторяемость поворотов»). В рисунке 8 для сравнения с описанными ранее схемами (а) и (б) представлены фрагменты реального мира, которые фиксируют кривизну пути в гору.

Отметим, что при множестве примеров аналогов схем (а) и (б) в реальной картине мира выявляется сложность демонстрации схемы (в), которую в языке реализует английский глагол «spiral». По-видимому, это должны быть снимки сверху на горную возвышенность, опоясанную линией (лентой) горной тропы, как, например, на изображении рельефа горной местности на топографических картах.

Примером готовой схемы или концептуальной рамки в языке при описании пути, пролегающем на местности, могут служить глаголы «loop» и «петлять». Оба глагола являются производными от имен существительных. В их значения, наряду с семантическими компонентами «кривизна» и «повторяемость поворотов», входит дополнительный семантический компонент «СХЕМА», который ассоциируется с графической фигурой, напоминающей петлю (идеализированная схема петли): «Day by day Dixon rode ahead, searching for the route that avoided a second and third crossing as the stream *looped*, looking for strong grass, avoiding the sage that gave so little nourishment» [16, с. 20]. – *День за днем Диксон скакал вперед, выискивая маршрут, который избежал второй и третьей переправы, так как река петляла, искал участки с хорошей травой, избегая полынный, который был недостаточно питательным.* «Not a quarter-mile beyond, the stream came *looping* in from the right» [16, с. 417]. – *Не более чем через четверть мили появился ручей, выворачивая петлей справа.* «River loops and winds» [16, с. 171]. – *Река петляет и извивается.* В последнем примере выявляется семантическое отличие глагольных лексем «wind»

и «loop» по наличию компонента «СХЕМА». Включенные вместе в локальную ситуацию (второй уровень реализации схемы), они качественно дополняют друг друга, а на семантическом уровне создается рисунок вариативного пролегания пространственного объекта на местности, складывающийся из имплицитно выраженных схем [«wind ЛЛЛ» + «loop ΩΩΩ» = «ЛΩЛΩЛΩ»]. Подобным образом реализуется схематизация в локальных ситуациях с русским глаголом «петлять»: «Река *петляла* по ущельям, кипела на водопадах, выкатывалась на плесы и замедляла бег» [6, с. 132]. «Сергей ... пошел вдоль откоса по узкой стежке, *петляющей* между зарослями усыпанной золотистыми сережками вербы и колючими кустами боярышника» [9, с. 165]. В следующей локальной ситуации выражается криволинейный рисунок пролегания объекта на большом фрагменте местности с элементом визуального прерывания этого пролегания, что определяется направлением взгляда наблюдателя, а также присутствием естественного пространственного «ограничителя» – линии горизонта: «*Петляя* по пологому склону сопки, тропинка убежала вверх к линии горизонта и *исчезала* там, растворяясь во мгле предутренних сумерек...» [7, с. 65].

Анализ языкового материала из художественных текстов выявляет отсутствие готовых выражений (межсхемных форм) для промежуточных пространственных конфигураций. Это означает, что пользователь ограничен в средствах выбора схемы, подходящей для адекватной передачи пространственной формы. На этом уровне языки обнаруживают потерю точности в описании пространства, что выражается либо в сверхдетализации, либо в сверхобобщенности. Л. Талми не считает отсутствие межсхемных форм недостатком языка [17, с. 278]. Очевидно, что всем своим объемом относительно специфических морфемных ссылок язык способен обеспечивать достаточно распределенное и плотное маркирование семантического «N» – размерного пространства через индивидуальные и общую семантические сферы. Детализующая схематизация через включение комплекса лексем открытого и закрытого класса работает на компенсацию потери в общем семантическом объеме ло-

кальных ситуаций. Вызывают интерес проблематика семантики межсхемных форм и изучение роли языковых дейктивных единиц открытого и закрытого класса в создании межсхемных связей при описании фрагментов реальной действительности, что может стать темой самостоятельного проектного исследования [5, с. 52].

Выводы

Явление схематизации в описании фрагментов реальной действительности и наполняющих ее статичных природных объектов в языке художественных текстов реализуется на уровне языковых единиц открытого и закрытого класса (глаголов и предлогов с пространственной семантикой). Система семантической схематизации образов с элементами идеализации связана с процессом отбора и абстракции. При описании фрагментов реальной действительности комплекс единиц закрытого класса выполняет функцию концептуального каркаса. В языке художественных текстов в локальных ситуациях реализуется наложение готовых концептуальных рамок, и актуализируются схемы с элементами идеализации в условиях комбинаторного набора семантических компонентов и признаков в значениях языковых единиц.

Система схематизации пространственных отношений в языке представлена тремя уровнями. Инструментами первого уровня являются элементарные компоненты построения схем, такие как точки, ограниченные и неограниченные линии, ограниченные и неограниченные плоскости. Все эти элементы управляются свойствами, относящимися к их комбинации, координации, взаимоисключения. Второй уровень представляют свойства, относящиеся к функционированию индивидуальных схем (локальная ситуация). Третий уровень включает отношения индивидуальных схем друг с другом внутри большей системы пользования схемой (контекст).

Сравнительная визуализация фрагментов реального мира и языковых схем показывает, что при достаточно плотном маркировании «N» –размерного пространства, обеспечиваемом через индивидуальные и общую семантические сферы, язык обнаруживает проблему потери точности в описании пространства в связи с отсутствием готовых межсхемных форм для промежуточных конфигураций. Детализующая схематизация через включение комплекса лексем открытого и закрытого класса компенсирует потери в общем семантическом объеме на уровне локальных ситуаций и в контексте.

Источники и литература / Sources and references

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Интегральное описание и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 797 с.
2. Гукина Л. В. Наивное восприятие пространства и его отражение в языке художественной прозы и живописи // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2021. Т. 2. № 4. С. 88–93.
3. Гукина Л. В. Наблюдаемое пространство в языке: глаголы с дейктической семантикой // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 3. № 2. С. 58–65.
4. Гукина Л. В. Семантическая классификация английских и русских глаголов со значением «Расположение в пространстве»: дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 1997. С. 28–36.
5. Гукина Л. В. Проектная работа как технология организации самостоятельной работы студентов на продвинутом этапе обучения иностранному языку / Л. В. Гукина, Л. В. Личная // Технологии организации самостоятельной работы обучающихся: материалы VIII Межрегиональной научно-методической конференции. Кемерово: КемГМУ, 2016. С. 50–52.
6. Емельянов Г. А. Пришельцы. Кемерово: Кемеровское книжн. изд-во, 1991. 341 с.
7. Жженов Г. С. От «Глухаря» до «Жар-птицы». М.: Современник, 1989. С. 65.
8. Пыхтина Ю. Г., Якимов П. А. Уровневый анализ пространственных образов и моделей в художественной литературе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 12 (211). С. 59–65.
9. Суханов В. И. Аватара. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 192.
10. Fillmore C.J. Commentary on the Papers by Klein and Talmy // Spatial Relations. Theory, Research and Application. New York, 1983. P. 302–311.
11. Firbank Th. I Bought a Mountain. Glasgow, Collins Publishers, 1980. P. 5–55.
12. Herkovits A. Language and Spatial Cognition. Cambridge UP, 1986. P. 57.
13. Herkovits A. Semantics and Pragmatics of Locative Expressions // Cognitive Science. 1985. Vol. 9. № 3. P. 341–378.
14. Howard A. The Skylark's Song. Glasgow, Fontana Books, 1982. P. 135.
15. Klein W. Deixis and Spatial Orientation // Spatial Orientation. Theory, Research, and Application. New York, 1983. P. 283–301.
16. Nevin D. Dream West. London, New English Library, 1986. P. 152–401.
17. Talmy L. How Language Structures Space // Theory, Research, and Application. New York, 1983. P. 225–282.

Информация об авторе:

Гукина Людмила Владимировна, к.ф.н., заведующая кафедрой иностранных языков Кемеровского государственного медицинского университета. E-mail: ling@kemsma.ru. ORCID: 0000-0001-5655-7236.

Вклад в статью: текст в полном объеме написан автором.

Author information:

Gukina Ludmila Vladimirovna, Ph.D. in Philology, Head of the Department of Foreign Languages of Kemerovo State Medical University. E-mail: ling@kemsma.ru. ORCID: 0000-0001-5655-7236.

Contribution to the article: the full text is written by the author.